

Ирина Фуджик

Куда идет душа размером с небо.

Путевые заметки

Я боялась. Я сомневалась.
Я не доверяла собственной любви.
Но вот что я поняла по дороге.

Ирина Фуджик

**Куда идет Душа размером
с небо. Путевые заметки**

«Автор»

2026

Фуджик И.

Куда идет Душа размером с небо. Путевые заметки /
И. Фуджик — «Автор», 2026

Иногда жизнь выглядит вполне устроенной: работа, дом, дети, друзья, книги. И всё же внутри остаётся вопрос, на который невозможно ответить привычными словами: зачем я здесь? Кира долго пыталась найти безопасность в контроле, любовь — в других людях, а себя — в способности быть нужной. Пока однажды не обнаружила, что за всем этим прячется нечто гораздо большее. Так начинается путешествие внутрь собственной души — через боль и память, страх и доверие, одиночество и любовь. Через вопросы, на которые не существует простых ответов. «Куда идёт Душа размером с небо» — путевые заметки о дороге от одиночества к взаимности, от попытки удержать жизнь — к способности наконец её проживать. Эта книга — для тех, кто однажды почувствовал: прежних ответов больше недостаточно, а впереди начинается путь к себе. Потому что иногда, чтобы понять, куда идёшь, сначала нужно вспомнить, зачем отправился в путь.

© Фуджик И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1 — «Узел доверия»	7
ГЛАВА 2 — «Плавильный котел»	10
ГЛАВА 3 — «Сухая жажда»	14
ГЛАВА 4 — «Зеркала и Ладони»	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Ирина Фуджик

Куда идет Душа размером с небо. Путевые заметки

"Любовь - это сомнение в необходимости собственных границ, готовность раскрыть себя тому, что приходит извне, и слиться с ним в единое целое."

Рюдигер Дальке

«Пытаясь сохранить свои старые доспехи, мы теряем себя. Но позволяя старому внутри нас умереть, мы открываем двери для настоящей любви»

Ирина Быстрова (публикуется под псевдонимом Ирина Фуджик)

Пролог

Ночь дышала так тихо, что на склоне холма было слышно каждое движение ветра, перебирающего сухую траву. Угли в костре негромко переговаривались между собой, осыпаясь багровой пылью.

Мы часто собираемся здесь. Каждый вечер. Иногда нас много, иногда у огня сидят всего несколько человек, но костер никогда не остается в одиночестве.

Венера возится с глиняным чайником, окутанным парным облаком, и упрямо делает вид, будто не замечает, как Меркурий уже в третий раз пытается заглянуть под крышку. Луна с тихим вздохом расправляет шерстяные пледы — разглаживает каждую складку так трепетно, словно от этого прямо сейчас зависит устройство хрупкого мира. Марс сидит ближе всех к пламени; его лицо горит багрянцем, когда он подкидывает сухую ветку, заставляя искры взметнуться к звездам.

Меркурий, конечно же, не выдерживает тишины.

— Солнце, расскажи историю.

Я смотрю на него сквозь колеблющееся марево огня и улыбаюсь. Внутри меня разливается мягкое рачьё тепло.

— Какую?

— Старую.

— Они все у меня старые, ты же знаешь.

— Тогда самую первую. Из тех, что пахнут началом времен.

Я медленно кручу в ладонях теплую кружку, хотя прекрасно знаю, какую именно сказку он выманивает. Он просит её снова и снова. Каждый раз замирает, будто слышит впервые. Удивляется в одних и тех же местах. Задаёт новые, по-детски дотошные вопросы.

Венера ставит перед нами чай, и густой травяной аромат смешивается с горьковатым дымом. Она устраивается поудобнее, поджав под себя ноги. Луна бросает короткий взгляд в темноту за нашими спинами и снова поправляет край пустующего пледа:

— Никогда не знаешь, кто заглянет на этот огонек сегодня. В темноте легко заблудиться.

Я всматриваюсь в чернильную пустоту за пределами нашего светящегося круга. Там, на самой границе тени, мне чудится безмолвный силуэт.

Это ты — путник. Ты слишком долго вел свою уставшую душу сквозь холодные сумерки и случайно — хотя бывают ли в этой вселенной случайности? — вышел на наш дым. Не бойся, присаживайся ближе. У Марса как раз разгорелось надежное пламя, а Венера уже налила тебе чаю. Просто протяни озябшие руки к огню, если ты тоже слишком замерз в своем бесконечном пути.

Марс бросает в топку тяжелое полено. Тьма испуганно отступает на шаг. Становится теплее.

И тогда я начинаю рассказ.

ГЛАВА 1 — «Узел доверия»

Говорят, некоторые истории живут дольше гор.

Они переживают своих рассказчиков, переживают племена и города, переживают даже память о самих себе. Они растворяются в ветре, прячутся в звездах, спят на дне морей и однажды возвращаются, когда приходит время быть услышанными снова.

Эта история началась очень давно.

Настолько давно, что море тогда было другим, а люди еще помнили, как разговаривать с небом.

У подножия большой горы жило небольшое племя. Они встречали рассветы на берегу, ловили рыбу в холодной воде и знали каждый камень на склонах так же хорошо, как знают лица своих близких.

А среди них жила девочка.

Она любила мир немного сильнее, чем это принято. Больше всего на свете она верила, что мир отвечает любовью тому, кто приходит к нему с открытым сердцем. И постепенно, годы спустя, люди начнут приходить к ней за советом и станут называть ее шаманкой.

Но для отца она всегда оставалась просто дочерью, чье имя несло в себе главную тайну их рода.

— Тахойя, — негромко звал её отец, вождь племени, когда вечерние тени удлинялись, укрывая их стоянку. — Тахойя КаоКайАхым.

На языке их предков это значило: *«Любовь там, где ее ищут»*. Старик часто улыбался, глядя, как девочка замирает, вслушиваясь в шорох сухой травы или подставляя ладони падающим звездам. Она действительно искала любовь во всем, что её окружало.

Тем летом ей исполнилось шесть лет, и она была просто маленькой дочерью вождя, в чьем сердце жила тихая, еще непонятная ей самой тоска.

— Тахойя, наконец-то ты дома. Самое время для ужина, — он передал ей ароматную рыбу.

— Папа... — тихо спросила она, глядя на огонь. — А почему мама так часто уходила? Почему не вернулась?

Отец обнял её крепче, и в его глазах промелькнула светлая грусть.

— Твоя мама была дочерью ветра, дитя, — ответил он, глядя на далекие холмы. — Её душу невозможно было удержать стенами или границами лагеря. Для неё настоящим домом были бескрайние леса, зов неизведанных троп и азарт погони. Её дом был там, где кончается горизонт и начинается небо. Она обрела покой в своем поиске и в абсолютной свободе.

Малышка задумалась, перебирая пальцами бахрому на его замшевой куртке.

— Но если у мамы дом — это свобода и весь мир... то где же наш дом? Что он такое вообще?

Вождь ласково коснулся её волос:

— У каждого в племени свой ответ на это, маленькая шаманка. Иди, пройдишь по нашей стоянке, послушай людей. Твоя душа сама поймет, какой ответ ей откликнется.

И Тахойя пошла искать свой ответ. Она собирала его по крупицам.

Первым ей встретился старый Охама. Он сидел у своей хижины, вкапывая в сухой грунт тяжелые кедровые столбы. Его руки были покрыты мозолями и пахли живицей и глиной.

— Дом? — добродушно ухмыльнулся он в седые косы. — Дом, маленькая шаманка, это то, что можно обнять руками. Это прочные шесты типи, которые не сорвет шквальный ветер. Это когда закрома полны вяленого мяса, а под ногами — надежная земля, которая кормит твое племя. Дом — это покой и сытость. Если ты не можешь опереться на это спиной, это не дом.

Тахойя кивнула, но внутри её сердца этот ответ не отозвался. Земля под её ногами казалась ей слишком... живой, чтобы быть просто неподвижной опорой.

Она пошла дальше, к реке, где чинили каноэ молодые охотники. Один из них, вечно смеющийся Ахану, подбросил в воздух орлиное перо и поймал его.

— О чем ты шепчешься с рекой, Тахойя? Дом — это не бревна Охамы. Дом — это там, где звучат голоса. Это костер, у которого старейшины передают нам легенды предков. Это песни, которые мы поем, возвращаясь с охоты, и вести, что приносят гонцы из соседних долин. Мой дом — это наши разговоры. Если мне некому рассказать, как прошел день, то зачем мне крыша?

«Дом как разговор...» — подумала девочка. Красиво, но слишком легковесно. Ветер уносит слова, а то, что она искала, должно было иметь иной вес.

У самого края деревни, баюкая младенца в кожаной колыбели, сидела Шима. Она не смотрела на реку, она смотрела только на спящее дитя, и её взгляд был глубже ночного неба.

— Не слушай мужчин, Тахойя, — тихо прошептала она. — Дом — это не стены и не рассказы охотников. Это тепло материнской груди. Это тихий стук сердца, который ты слышишь еще до того, как увидишь солнце. Место, где тебя укутает мягким мехом бизона, согреют и защитят от любого зла. Дом — это абсолютная безопасность, как гнездо для птенца.

Тахойя коснулась плеча Шимы, сочувствуя её нежности. Но ее собственное гнездо... внутри нее словно горел невидимый огонек. Ее собственный Дом ждал её в другом месте.

На стоянку опустились густые фиолетовые сумерки. В центре лагеря запылал Главный Костер, созывая племя. Тахойя вернулась к отцу и тихонько пристроилась у его ног.

В этот момент к их очагу подошел Мато. Ему был двадцать один год, но его взгляд часто казался старше, чем у некоторых старейшин. Он двигался бесшумно, а в его присутствии всегда разливалась удивительная, прохладная тишина. Мато сел чуть поодаль, длинными пальцами подбросил в огонь веточку шалфея и мягко посмотрел на девочку.

— Опять устроила допрос всему племени? — тихо спросил он, и уголки его губ тронула едва заметная, теплая улыбка. — Птицы на реке жаловались, что ты и у них пыталась выяснить устройство мира.

— Птицы ничего не понимают, — серьезно ответила Тахойя, поджав колени. — Я ищу ответ на важный вопрос. Папа сказал, у каждого своя правда.

Вождь ласково обнял дочь за плечи и посмотрел на пламя: — Это так, дитя. Посмотри на них внимательно. Видишь Талана? Он только что вернулся из дозора. Его глаза горят, он до блеска чистит свое оружие. Для него дом — это рубеж, который нужно защитить, это поле битвы и верность долгу. Его дом там, где горит его отвага.

Тахойя перевела взгляд правее, где у хижины лекаря сидели две женщины. — А Мина и Илана?

— Мина раскладывает целебные корни — бережно, по одному, выверяя каждый шаг, — улыбнулся отец. Для неё дом — это чистота, покой и польза, которую она приносит. А Илана в это время украшает её хижину речными ракушками и следит, чтобы костровой дым не ложился на лица. Для неё дом — это гармония, красота и лад между всеми нами. Они спорят о порядке, но их души дышат в один такт.

В этот момент от костра воинов раздался громкий, раскатистый смех. Это Каллен рассказывал о своей утренней охоте, расправив плечи так, чтобы отсветы огня подчеркивали его силу.

— Каллен строит свой дом из отголосков чужого восхищения, — негромко заметил Мато, не отрывая взгляда от углей. В его голосе послышалась легкая, мудрая ирония. — Ему нужно, чтобы стены его типи были сотканы из хвалебных песен. Стоит всем замолчать — и его дом исчезнет.

Тахойя тихонько фыркнула, оценив точность его слов. Ей нравился этот перебор человеческих судеб. Она посмотрела на старейшин, сидевших в тени, чуть поодаль от шума.

— А наши мудрецы? — спросила она.

— Старый Хона́ни следит, чтобы ритуалы предков исполнялись шаг в шаг. Его дом — это незыблемый Закон и Долг перед прошлым. А сидящий рядом с ним Нэо смотрит мимо костра, прямо в звездное небо. Ему тесно в нашем племени, его дом — это мысль о том, какими станут люди через сотни зим. Его дом — это свобода духа.

Она повернулась к юноше, внимательно вглядываясь в его спокойное лицо:

— А ты, Мато? Где твой дом?

Мато промолчал. В его глазах, отражавших багровые языки пламени, на мгновение застыло отражение темной вершины Горы — тяжелое, как предчувствие.

— Мой дом — это тишина, Тахойя, — тихо ответил он. — Но пока ты не спишь, мне приходится делить её с твоими бесконечными вопросами. Иди к огню, маленькая шаманка.

Девочка улыбнулась, согретая его мягким ворчанием, и снова повернулась к пламени. Ей было спокойно. Она посмотрела на Гору.

Для всего племени Великанша была спящим хранителем, величественным и молчаливым. Но Тахойя смотрела на неё так, как дитя смотрит на лицо любимой матери — с обожанием и полным растворением. В этом огромном каменном теле для неё не было ничего чужого или пугающего.

Глубокий, едва уловимый гул, который временами шел из самого сердца Горы, пугал других, но для девочки он был самым родным звуком на свете. Он звучал для нее так, как звучит шум материнского тела для ребенка в утробе. Это был безопасный, басовитый, мерный ритм, который убаюкивал, дарил покой и укрывал от любых невзгод.

Да, Тахойя чувствовала колоссальную, древнюю силу, скрытую под зелеными склонами. Она знала, что внутри Горы бьется горячее, могущественное сердце. Но в этой силе для неё не существовало угрозы — только абсолютное, бездонное доверие. Если твоя Мать так сильна, значит, тебе тем более нечего бояться.

Для Тахойи дом не был тесными стенами. Её домом была вся эта огромная, живая Гора, которая согревала её своим подземным теплом. Девочка прикрыла глаза, вслушиваясь в родное земное сердцебиение, и тихо улыбнулась. Она просто ждала, когда Мать заговорит с ней.

Так долго, что все привыкли считать её вечной. Но однажды гора проснулась. И с того дня началась история, которую я хочу тебе рассказать.

ГЛАВА 2 — «Плавильный котел»

Космический костер горел тихо. После истории о девочке никто не спешил говорить. Даже Меркурий, который обычно первым нарушал тишину, сидел, обхватив ладонями колени, и смотрел туда, где далеко внизу темнела Земля.

Луна тихо вздохнула и плотнее завернулась в серебристый плащ. За всё время она почти не произнесла ни слова. Ей было достаточно слушать.

— Наверное, ей очень повезло, — сонно пробормотала она. — Найти место, где тебе совсем не страшно...

Её голос становился всё тише. Луна прикрыла глаза, положив голову на согнутую руку.

— Спи, — мягко сказала Венера.

Луна едва заметно улыбнулась, ее серебристый свет рядом с костром стал совсем мягким. Венера поправила ее плед и чуть отодвинулась, чтобы не мешать.

— Она действительно считала Гору своей матерью, — заметила она.

— Не совсем, — отозвался Плутон из темноты. — Для неё это было правдой.

Венера выпрямилась, аккуратно расправив свои юбки вокруг.

— И что в этом плохого?

— Плохого? Ничего. — ответил Марс вместо Плутона

Он шевельнул уголь в костре. Искры взвились вверх и тут же погасли.

— Пока Мать не просыпается.

— Ты опять о разрушении, — Венера закатила глаза.

— Я о том, что любовь не отменяет силы.

— А сила обязательно должна разрушать?

На этот раз ответил не Марс.

— Нет, — тихо сказал Солнце. — Но иногда она разрушает то, что больше не может остаться прежним.

— И что тогда остаётся? — подал голос Меркурий.

В глубине костра что-то треснуло.

— Посмотрим, — тихо ответил Плутон.

Время на Земле — странная река. Иногда она еле плещется, перебирая мелкие камешки дней, а иногда срывается водопадом, меняя всё до неузнаваемости.

С того теплого вечера, когда маленькая Тахойя сидела у костров племени, прошло шесть зим. Ей исполнилось двенадцать.

После ухода ее отца, мудрого вождя, на стоянку племени опустилась тишина. Племя скорбело. Тахойя чувствовала себя немного одинокой, а потому часами сидела у самого подножия Горы-Матери, прижавшись ухом к заросшему мхом камню. Мягкий мох был привычно прохладным, но сквозь него Тахойя улавливала странное, непривычное подземное тепло.

Гора дышала. В эти дни её внутренний гул стал удивительно глубоким, плотным и теплым. Земля под ладонями девочки мягко вибрировала, словно огромная Великанша баюкала свою маленькую шаманку, напевая ей старинную песню без слов. Тахойя закрывала глаза и улыбалась.

— Тахойя, — раздался за спиной тихий голос Мато.

Она обернулась. Мато стоял, прислонившись спиной к стволу старого кедра. За эти годы он раздался в плечах, стал сильным воином, но в его глазах всё так же жила та самая прохлад-

ная, бездонная тишина. Только сейчас в этой тишине сквозило напряжение. Он смотрел на вершину Великанши. Его пальцы напряженно лежали на рукояти охотничьего ножа, а брови были хмуро сдвинуты, словно он пытался расслышать в гуле Горы то, чего не замечала девочка.

— Я чувю недоброе, — Мато подошел ближе. — Земля ходит ходуном. Старейшины беспокоятся. Вода в реке со вчерашнего дня стала мутной и горячей, а лошади в загоне всю ночь не находили себе места. Племени нужен покой после потери вождя, Тахойя. Давай уведем людей в соседнюю долину, пока не поздно. Скажи им, как шаманка, что нужно сняться с места. Они послушают тебя.

Тахойя легко поднялась на ноги, её глаза светились искренним, ласковым удивлением. Она подошла к Мато и мягко коснулась его напряженной руки:

— Зачем бежать, Мато? Послушай сам, как она поет! Гора не злится. Она просто скучает по моему отцу, как и мы. Она греет нас, защищает. Если мы уйдем сейчас, мы обидим её, оставим одну в её печали. Наш дом здесь, у её ног. Нам ничего не грозит.

Мато долго смотрел в её чистые, лишённые страха глаза. Её тотальная, светлая уверенность обезоруживала. Вся его взрослая, рациональная тревога словно разбивалась о прозрачный щит её детской любви.

— Ты видишь солнце даже там, где сгущаются тучи, маленькая шаманка, — он тяжело вздохнул, но на губах его появилась мягкая улыбка. — Хорошо. Раз ты так чувствуешь — мы останемся. Я буду рядом.

Катастрофа грянула посреди ночи, когда лагерь спал безмятежным сном.

Земля содрогнулась от страшного скрежета, который отозвался невыносимой, зудящей болью в зубах и костях. Гора треснула. Из расколотой вершины полетели камни, а по склонам, ослепляя тьму, стремительно потекла бурлящая энергия, заливая лагерь мертвенным светом. Тени людей стали длинными, ломаными и заматались по горящей траве. Это было жидкое космическое электричество колоссальной силы.

Гора открыла свое сердце и показала свою боль.

— Наконец-то, вскочил Марс.

Венера резко обернулась к нему.

— Что значит «наконец-то»?!

Марс уже стоял у самого края костра. В его ладони вспыхнуло красное пламя.

— Они были предупреждены. Они выбрали остаться. Теперь им придётся действовать.

— Ты называешь это действием?! — Венера вскочила следом. — Они погибают!

— Именно поэтому.

Плутон всё это время не двигался. Он смотрел вниз на людей, огонь. На девочку.

— Нет, — произнес он.

Марс повернулся.

— Что?

— Ты ошибаешься. — Плутон поднял взгляд. — Они ещё не знают, что именно сейчас умирает.

Марс нахмурился, но Плутон протянул руку и коснулся черного угля. Тот рассыпался между его пальцами.

— Дом.

Охама первым бросился к женщинам и старикам. Тяжелые плечи, привыкшие таскать брёвна и ставить стены, теперь закрывали собой тех, кто не успевал выбраться из горящих шатров.

Талан рванулся навстречу потоку энергии. Он прекрасно понимал, что не сможет остановить его, но всё равно встал поперёк прохода. Не чтобы победить... Чтобы выиграть несколько секунд.

Каллен стоял посреди паники. Тот самый мужчина, который ещё недавно расправлял плечи, наслаждаясь чужими взглядами, теперь не слышал ни похвалы, ни собственного имени.

Он слышал только детский плач.

— Сюда!

Дети бросились к нему. Каллен собрал их вокруг себя, прижал к груди и закрыл собственным телом от летящих осколков некогда зеленой горы.

А потом начал петь. Тихо, но так, чтобы дети могли слышать его голос сквозь грохот.

Солнце улыбнулся. Но ничего не сказал.

А в самом центре лагеря стояла Тахойя. Она смотрела на Гору - на свою Мать. Свой Дом... И впервые в жизни не понимала, что видит.

Дом стремительно исчезал на глазах.

Внутри неё что-то рухнуло. Весь мир, который до этого казался ей единым и любящим, вдруг перестал иметь смысл.

Гора больше не защищала. В своем горе она просто уничтожала все вокруг.

Космический ужас и колоссальная, невыносимая волна чужой боли затопили девочку с головой. Она растворилась в этом океане страданий, впуская его внутрь себя.

«Как же так... Ведь ты же... Ты оберегала нас! Почему... почему я не послушала Мато... Я заставила всех остаться. Это я... Я всех... Подвела...»

Тахойя не пыталась бежать или бороться. Бессилие и вина выжали весь воздух из ее легких. Тихий безмолвный ужас застыл на ее лице, когда сердце сделало последний, судорожный удар.

Синее пламя уже лизало ее мокасины, она уходила в абсолютном, леденящем одиночестве своей вины... Только большая и невероятно теплая ладонь Мато опустилась на её спину, прямо к сердцу между лопаток.

Мато не мог остановить космический вулкан. Но он не мог и оставить ее одну.

Тахойя закрыла глаза. И мир погас.

У костра стало тихо. Марс медленно опустился обратно на камень. Венера больше не плакала, она просто смотрела вниз. Солнце не светило так ярко, как прежде.

Плутон протянул руку к пеплу и на его ладонь упала маленькая темно-синяя капля. Он сжал пальцы и капля застыла.

— Всё, — сказал Марс. — Конец.

— Нет, — ответил Плутон и разжал ладонь.

На коже лежал кусочек чёрного стекла.

— Теперь все только начинается.

Меркурий наконец поднял голову.

— Что начинается?

Плутон покрутил каплю по ладони.

— То, ради чего всё это произошло.

— И что же?

Плутон перевёл взгляд на Сатурн. Тот всё это время сидел в глубокой тени за костром. В руках у него была небольшая шкатулка из темного дерева.

Сатурн открыл её. Внутри было пусто.

— Путь, — сказал он.

Марс нахмурился.

— Ты хочешь сказать, что ей придётся снова?

— Да.

— Снова жить?

Сатурн посмотрел на маленький кусочек стекла.

— Снова любить.

Венера медленно подняла глаза и впервые за весь вечер ничего не сказала.

Сатурн положил стеклянную бусину в шкатулку. Раздался сухой стук.

— Первая.

— Первая что? — Меркурий подался ближе.

Сатурн закрыл крышку.

— Первая бусина, — он посмотрел туда, где далеко внизу исчезала последняя искра жизни маленькой шаманки. — Потери.

Щелкнул замок.

— А следующая уже ждёт её в другом мире.

ГЛАВА 3 — «Сухая жажда»

Буйный пожар костра давно улегся, оставив после себя только тлеющие угли. После огненной катастрофы даже Марс притих, сидя у самого края круга и задумчиво проводя пальцем по обугленной ветке.

— Она умерла, потому что не смогла принять помощь, — нарушил тишину Меркурий.

— Она умерла раньше, — возразил Плутон.

Меркурий нахмурился.

— Когда?

Темные складки одежды Плутона едва слышно зашуршали, когда он повернулся к нему.

— Когда решила, что доверять опасно.

Сатурн сидел чуть в стороне и медленно перебирал бусины в своей тёмной шкатулке. Среди них лежала одна новая — серая, тяжелая, похожая на маленький кусочек пустынной скалы.

— Тогда следующая жизнь должна быть другой.

Венера пристально посмотрела на него.

— Она больше никому не доверится?

— Не сразу.

Марс с хрустом переломил обугленную ветку.

— Тогда пусть научится сражаться.

— Нет.

— Выдерживать? Тащить всё на себе?

— Именно.

Венера нахмурилась.

— Это совсем не похоже на жизнь.

Сатурн провел большим пальцем по серой бусине.

— Иногда, — тихо ответил он, — это способ до неё дожить.

Венера резко поднялась, и её светлая одежда вспыхнула золотистыми отблесками углей.

— Это жестоко. Ты хочешь, чтобы она стала такой же холодной?

Сатурн бережно положил бусину на ладонь и закрыл шкатулку.

— Жестоко было бы заставить её снова чувствовать всё сразу.

Венера замерла.

— Нет, Венера, я хочу, чтобы она смогла жить, — Сатурн разжал пальцы.

Серая бусина скользнула вниз и исчезла в раскаленном мареве заката.

А далеко внизу уже начинался новый день — сухой, раскаленный и бесконечный.

Мелкий раскаленный гравий с сухим хрустом пересыпался под грубой кожаной подошвой. Тара шла, не поднимая головы, глядя только на пыльные носки своих сапог и мерно двигавшуюся впереди тень.

Лямки рюкзака, скроенного из жестких шкур и толстых веток, до крови натирали плечи сквозь простое платье из желтой, похожей на мешковину ткани. Тяжесть за спиной казалась неподъемной, но Тара не замедляла шаг. Внутри неё не было ни мыслей, ни жалости к себе — только глухое, ровное спокойствие скалы. Она должна идти. Это был её Долг перед племенем.

Вокруг, сколько хватало глаз, простиралась безжизненная, выжженная земля. Это был раскаленный зной пустыни, где сухой красный песок и гравий плавилась под нещадным солнцем. Воздух дрожал от жары, высушивая губы до трещин.

— Привал, — раздался впереди негромкий, хриплый голос.

Кайл остановился у подножия невысокого каменного навеса, едва защищавшего от палящих лучей. Он тяжело сбросил на землю свой рюкзак и повернулся к Таре. Лицо, покрытое слоем красной пыли, казалось утомленным, но в серых глазах светилась та самая спокойная, надежная мудрость, ради которой она и согласилась на этот изнурительный поход.

Тара безмолвно опустила на горячие камни, чувствуя, как ноет затекшая шея и плечи. Кайл протянул ей кожаный бурдюк с теплой, горьковатой водой.

— Мы ищем место для новой стоянки племени уже слишком долго, — тихо сказал Кайл, прислонившись спиной к прохладному срезу скалы. — В этой пустыне нет ничего, кроме раскаленного камня, Тара. Земли, о которых говорили старейшины — это просто старая легенда.

Тара сделала глоток и бережно закрыла бурдюк.

— Они существуют, Кайл. Я чувствую это внутри. Какое-то смутное, необъяснимое знание тянет меня вперед. Словно там, за горизонтом, нас ждет укрытие. Если мы не найдем его, наше племя просто погибнет в этих песках.

Кайл внимательно посмотрел на неё, и на его пыльном лице скользнула мягкая, грустная улыбка.

— Ты никогда не жалуешься. Натираешь ноги, не спишь ночами, несешь этот груз, словно ты сделана из гранита. Где прячутся твои чувства, Тара? Мне иногда кажется, что под этой мешковиной бьется не сердце, а холодный камень.

— Сейчас не время для чувств, Кайл, — тихо, почти беззвучно ответила она, глядя на дрожащий в мареве горизонт. — Мы обязаны найти эти земли, понимаешь?

Кайл ничего не ответил. Он лишь протянул руку и на секунду коснулся её плеча — коротко, бережно, возвращая ей ощущение того, что она не одна в этой огромной красной пустыне.

Ночь опустилась на пустыню внезапно, принеся с собой резкую, пронзительную прохладу. Они разожгли небольшой костер из сухих колючек. Языки пламени были маленькими, тихими, но они согревали.

Они сидели у огня и негромко разговаривали о будущем. Кайл говорил о доме, о тишине, о зеленой траве, которую он мечтал найти для их людей. Таре нравились его мечты, но внутри что-то судорожно трепетало, что-то мягкое, живое и уязвимое.

А на рассвете они снова двинулись в путь.

Знойный день пролетел как в забытьи, и вот, когда солнце начало лениво клониться к горизонту, пустыня внезапно расступилась.

— Смотри... — прошептал Кайл, останавливаясь на самом краю огромного обрыва.

Тара сделала шаг вперед и замерла. Впереди, в багровых отсветах заходящего солнца, возвышалась она — зеленая, одетая в густой лес и кустарник, величественная Гора. Солнечные лучи окрашивали её склоны в глубокие, торжественные порфиновые и багряные тона. Все вокруг выглядело особенно величественно, окутанное этим густым, горящим светом заката.

Внутри Тары что-то оглушительно хлынуло наружу. Дикая, необъяснимая, почти детская радость и тотальное чувство «узнавания» этого места затопили её существо.

— Мы нашли её! Кайл, это оно, наше место! — закричала она, сияя от абсолютного счастья, и невольно запрыгала на месте, празднуя эту великую победу.

Но радость ослепила её. Тара стояла слишком близко к краю.

Сухой раскаленный гравий под её сапогами внезапно поехал вниз. Земля с глухим шорохом заскользила в пустоту, увлекая её за собой. Тара покачнулась, теряя равновесие, и начала падать назад, в бездну обрыва.

— Тара! — в глазах Кайла, рванувшего вперед, застыл первобытный, дикий ужас.

Он упал на колени, вытягивая руку, пытаясь поймать её в воздухе. Его пальцы были в одном сантиметре от её запястья. Ей нужно было просто сделать встречное движение, ухватиться, сжать пальцы...

Но в этот пограничный миг между жизнью и смертью внутри Тары сработал страшный, неосознанный блок из глубин подсознания. Перед глазами пронеслось слепое ощущение древней катастрофы, удушающего дыма и панического ужаса: «Если ты обретешь этот дом, всё снова сгорит. Близость — это гибель». Страх снова довериться миру и впустить в себя это тепло оказался сильнее инстинкта самосохранения.

Тара посмотрела в полные ужаса глаза Кайла и... умышленно расслабила пальцы. Она сознательно отказалась ловить его руку, выбрав падение в бездну. Безопаснее было разбиться на этих сухих камнях, чем позволить своему сердцу ожить и снова впустить в себя любовь.

Воздух со свистом ударил в лицо. Багряный закат перевернулся, уступая место стремительно летящей навстречу каменной бездне. Удар. Темнота.

ГЛАВА 4 — «Зеркала и Ладони»

После сухого, жесткого пламени прошлой жизни в костре вдруг появилось что-то мягкое. Между углями проступили розовые отблески, воздух наполнился ароматом мирта, лотоса и пряных масел, а языки огня начали отражаться друг в друге, словно вокруг костра возникли невидимые зеркала.

Меркурий первым встрепенулся, втянув носом аромат.

— О, вот теперь мне нравится. Пространство Партнерства и Зеркал! Наконец-то отношения. Венера, это твоё время. Ну же, дай ей немного Овна, немного Льва — страсти, серенады, безумных признаний. Пусть хотя бы одна жизнь будет красивой!

Венера улыбнулась, но вместо ответа лишь провела пальцами над огнём. Розовая искра поднялась между ними и тут же погасла.

— Красивой — да. Но не громкой.

— Почему?

— Потому что ей нужен не тот, кто завоюет её, — тихо сказала Венера. — А тот, рядом с кем ей не придется становиться меньше.

Из глубины костра донесся тихий смешок.

— Наконец-то хоть кто-то сказал это вслух.

Уран вошёл в круг, и вместе с ним по углям пробежала тонкая синяя молния.

Меркурий покосился на него:

— Только не начинай про свою свободу.

— А почему нет? — Уран присел у огня. Искры тут же поползли по его рукавам, не задерживаясь на ткани. — Любовь, в которой один становится чьей-то собственностью, — это не любовь. И если ради союза человеку приходится отказаться от собственного голоса, я лучше разрушу такой союз.

— Очень удобно, — усмехнулся Меркурий. — А что тогда остаётся?

Уран подцепил веткой тлеющий уголёк и выпустил его из круга. Тот вспыхнул в воздухе и превратился в маленькую звезду.

— Два человека, которым не нужно владеть друг другом, чтобы быть рядом.

Венера посмотрела на него с лёгкой улыбкой.

— Дружба?

— Равенство.

— Свобода?

— Обязательно.

— А близость?

Уран на мгновение замолчал. Синяя молния внутри него дрогнула.

— Только та, в которой дверь остаётся открытой с обеих сторон.

Меркурий фыркнул:

— Значит, Водолей.

— Именно.

Сатурн, всё это время молча наблюдавший их перепалку, медленно перевернул песочные часы. Золотые песчинки побежали вниз, одна за другой.

— Тогда пусть будет Водолей, — произнес он. — Но свобода особенно хорошо познаётся там, где её меньше всего.

Уран резко повернул голову.

— Ты опять хочешь запереть её в своих камнях?

— Я хочу поставить её свободу рядом с тем, что считает себя сильнее свободы.

Венера нахмурилась.

— Египет?

Сатурн ничего не ответил. Лишь посмотрел в огонь.

И золотая искра уже отделялась от костра.

Когда Хлоя впервые оказалась в дельте Нила, этот край показался ей огромным, шумным и ослепительно белым — совсем не похожим на её родные, заросшие оливами острова Эгейского моря. Здесь всё было монументальным: огромные каменные храмы, уходящие в небо, бездонное жаркое солнце и величественный, ленивый Нил, несущий свои мутные воды к морю.

Хлоя стояла посреди тенистого, прохладного сада, раскинувшегося во внутреннем дворе роскошной усадьбы знатного сановника. Её золотые, выгоревшие на солнце волосы были собраны в простой узел, а легкое льняное платье мягко струилось вокруг её тела.

Она была вольной чужестранкой, дочерью эгейского парфюмера. Её отец создавал невероятные ароматы и обучал Хлою всем секретам своего мастерства. В этой усадьбе их ценили на вес золота. Её тонкими, чуткими пальцами создавались лучшие ароматические масла и мази для пиров и ритуалов.

Прямо сейчас Хлоя бережно срезала нежные лепестки голубого лотоса, опуская их в глиняную чашу с чистым оливковым маслом. В воздухе стоял густой, дурманящий аромат. Хлоя улыбалась. Последние месяцы её жизнь напоминала звенящий, чистый рай.

Позади раздался знакомый, легкий хруст гравия. Сердце Хлои пропустило удар. Она обернулась.

Из-за широких листьев финиковой пальмы вышел Рамесс.

Рамесс был высок, крепко сложен и смугл, как большинство знатных египтян. От него веяло породой, силой и непреклонным благородством. В его глубоких серых глазах светился острый, пронизательный ум, а в каждом движении угадывался тот природный, скрытый магнетизм, который заставлял людей замолкать, едва он входил в покой.

Хлоя замерла с лотосом в руке, чувствуя, как по коже пробежала едва заметная теплая волна.

Их история началась здесь же, четыре месяца назад. Тогда Рамесс переступил порог прохладной лавки, спасаясь от полуденного зноя Мемфиса. Его шаги по каменным плитам были тяжелыми, уверенными. Рамесс пришел в лавку её отца в поисках редкого, изысканного подарка для своей законной супруги. Ему нашептали, что пришлый эгейский парфюмер творит с ароматами нечто немыслимое.

Но вместо старого мастера за прилавком стояла его дочь. Золотые волосы Хлои были небрежно собраны льняной лентой, а на смуглых от солнца пальцах виднелись масляные следы от раздавленных лепестков. Она не упала ниц, как делали египтянки при виде сановника, а лишь с любопытством изогнула бровь.

— Мне сказали, здесь можно купить каплю бессмертия в глиняном флаконе, — Рамесс остановился напротив, и его мудрые глаза окинули взглядом стеллажи. — Моя жена любит редкие благовония. Что предложишь, чужестранка?

Хлоя мягко усмехнулась, неторопливо протирая небольшую амфору:

— Бессмертие нынче дорого, господин. Да и к чему оно твоей жене? Чтобы вечно скучать в золотых покоях? Для знатной египетской дамы у меня есть мирра с ароматом горького миндаля. Она пахнет властью и покоем. Но, возможно, вам стоит присмотреться к другому аромату.

Рамесс удивленно приподнял брови. Ни один торговец в этом городе не позволял себе сомневаться в его выборе. Между ними мгновенно проскочила первая, острая искра интереса.

— Это еще почему? У меня достаточно золота, чтобы выкупить всю эту лавку вместе с твоими секретами, чужестранка.

— Золото может купить любой сосуд, господин, но не аромат, который в нем сокрыт, — Хлоя чуть подалась вперед, оперевшись ладонями о деревянный прилавок, и её голос стал тише. — Твоя жена — благородная египтянка, она привыкла к тяжелому зною и сухим пескам. Ей подойдет мирра. Но ты сам... ты выбираешь подарок для неё, а твои глаза ищут то, что пахнет тенью, прохладной водой и дальними дорогами. Возьми вот это.

Она протянула ему крошечный флакон из темного эгейского стекла.

— Здесь масло дикого кедра и лотоса. Нанеси на запястье. Это аромат свободы, которой так не хватает в твоём каменном Мемфисе.

Рамесс принял холодное стекло из её теплых пальцев. Он капнул каплю на кожу, вдохнул — и на его мужественном лице впервые за день промелькнула искренняя, обезоруживающая улыбка. Он посмотрел на нее открыто, долгим, пронизательным взглядом, словно впервые по-настоящему увидел.

— Ты дерзкая, — тихо произнес он, и его голос обрел бархатистое, магнетическое тепло. — Египетские законы строги к тем, кто не знает своего места.

— Моё место — там, где дует ветер, господин, — Хлоя весело подмигнула ему. — Ну так что, берешь флакон?

Рамесс усмехнулся.

— И видишь слишком много для той, чьего имени я даже не знаю. Как тебя зовут?

— Хлоя, — она мягко улыбнулась, принимая его тяжелую золотую монету.

— Хорошо, Хлоя, — сановник спрятал флакон в складки одежд, но его взгляд остался прикован к её золотым волосам. — Мое имя Рамесс. И, кажется, я буду приходить в лавку твоего отца гораздо чаще, чем этого требуют праздники моей жены.

Сановник сдержал свое слово. Их редкие, мимолетные встречи в лавке парфюмера быстро переросли в нечто большее, нарушающее все строгие законы Мемфиса.

Ночные сады усадьбы Рамесса дышали пьянящей, густой прохладой. Воздух был плотным от аромата цветущих мирт, белых лотосов и влажной земли. В этой синей бархатной темноте, надежно скрытые огромными резными листьями сикомор, Хлоя и Рамесс проводили свои самые лучшие часы. Они подолгу говорили обо всем на свете — о далеких эгейских островах, о движении звезд и о том, как устроена эта странная, огромная вселенная.

Одной ночью их разговор затянулся до самых первых предрассветных часов. Небо на востоке над Нилом только-только начинало бледнеть, окрашиваясь в едва заметный, прозрачный перламутр.

Вдруг из-за высокой живой изгороди донесся едва различимый шорох — то ли ночная птица задела ветку, то ли стража сановника обходила дальний периметр усадьбы.

Они оба одновременно встrepенулись. Хлоя судорожно затаила дыхание, а Рамесс мгновенно закрыл её собой, чутко вслушиваясь в темноту. Когда шорох стих, он медленно опустил плечи и снова развернулся к рассвету. На его резко очерченном мужественном лице отразилась глубокая, монументальная усталость — тяжелая ноша человека, вынужденного вести двойную игру между жреческим долгом, суровыми законами Египта и своей тайной любовью.

— Посмотри на этот город, Хлоя, — его голос прозвучал ровно, но в нем вибрировала скрытая, непоколебимая сила. — Египет кажется вечным и могучим, но этот каменный Мемфис — лишь тюрьма для живого духа. Мы все здесь заложники чужой воли, жестких правил и жреческих приказов. Но... Послушай меня, Хлоя. Когда-нибудь мы обязательно встретим утро свободными.

Он повернулся к ней, улыбнувшись, и спокойно, надежно сжал ее ладони. Внутри Хлои растаяло все напряжение.

— Там, далеко за пределами этих душных песков, есть бескрайнее синее море. У него нет стен, нет сословий и нет страха. Я обещаю тебе: когда-нибудь мы обязательно встретим самый

красивый рассвет над этим морем. Мы будем любоваться им вместе... абсолютно свободными от любого долга. Ты веришь мне?

Хлоя прижалась к нему, впитывая родной запах кожи и прохладу ночного лотоса. Этот манифест свободы, произнесенный Рамессом посреди замершего в ожидании утра сада, показался ей самой надежной и нерушимой клятвой в жизни.

— Верю, Рамесс, — прошептала она, поднимая на него сияющие глаза. — С тобой мне совсем не страшно.

Но они оба знали правила этого мира. Рамесс был знатен, богат и женат. Хлоя была вольной дочерью мастера. Оглушительная, сжигающая страсть была бы опасна, и их смелые души интуитивно выбрали другой путь — путь нежности, искренности и удивительного духовного равенства. Хлоя не сходила с ума от ревности, она принимала реальность, но ни на секунду не сомневалась в его чувствах. В каждом его тихом слове, в каждом осторожном прикосновении ладони, едва касавшемся её волос в этом саду, было столько честности, что рядом с ним Хлоя постепенно забывала о необходимости защищаться.

Сегодня Рамесс пришел к ней с приглашением. После той ночи с рассветом Хлоя заметила, что он стал напряженнее.

— Ты снова создаешь магию, — тихо произнес он, останавливаясь в двух шагах от Хлои.

Его голос, низкий и бархатистый, вибрировал в прохладном воздухе двора. В руках он держал небольшой свиток, но его взгляд был прикован только к её золотым, светящимся в тени пальм волосам.

Хлоя мягко улыбнулась, опуская лепестки в масло.

— Мой отец говорит, что магия — это просто знание законов природы, Рамесс. Лотос отдает свой аромат только тому, кто умеет ждать.

— Твой отец мудр, — Рамесс сделал шаг ближе, сокращая расстояние между ними до минимума.

Между ними физически ощущалось это звенящее, сладкое напряжение — искра, которую они бережно хранили все эти месяцы. Он протянул руку и аккуратно, одними кончиками пальцев, убрал выбившийся золотой локон с её лба. Его ладонь была горячей и сухой. Хлоя прикрыла глаза, впитывая это прикосновение, чувствуя себя абсолютно защищенной и счастливой рядом с этим сильным, мудрым мужчиной.

— Я пришел сказать, что всё готово, — Рамесс опустил руку, и его голос стал чуть тише, обретая заговорщический, таинственный оттенок. — Сегодня ночью жрецы откроют проход в лабиринты под великой пирамидой. Ты ведь хотела увидеть, где рождаются священные храмовые благовоения? Я обещал показать тебе это чудо. Придешь?

Рамесс был вхож в покои правителей и жрецов. Его статус открывал любые двери, но Хлоя любила в нем не это. Она любила его тихий голос, его мудрость и ту удивительную бережность, с которой он смотрел на нее все эти четыре месяца.

— Я приду, — тихо ответила Хлоя, поднимая на него глаза. — Мой отец как раз собирался перебрать новые амфоры с миррой, я смогу уйти незаметно.

Рамесс едва заметно кивнул. Его горячие пальцы, все еще касавшиеся ее лица, на секунду сжались чуть сильнее, чем обычно — Хлоя даже почувствовала, как под его кожей напряглась жилка. На его мужественном лице промелькнула странная, мимолетная тень. Он не улыбался. Его глаза на мгновение стали холодными и глубокими, словно он смотрел не на нее, а сквозь неё, в какую-то невидимую, пугающую даль.

— Хорошо, — Рамесс резко опустил руку, словно оборвал невидимую нить. — Жди меня у южных ворот храма, когда Сириус поднимется над горизонтом. Ночь будет долгой, Хлоя.

Хлоя списала это секундное напряжение на важность момента. Все-таки проход в подземные лабиринты великой пирамиды охранялся жрецами, и даже для такого знатного сановника это был риск.

Ночь опустилась на Мемфис, укутав усадьбы синей бархатной прохладой. Южные ворота храма тонули в густой тени огромных колонн. Хлоя, накинув на голову темный плащ, ждала, вслушиваясь в далекий плеск Нила и стрекот цикад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.